

Мастер ручного ткачества из Семилуки Ирина Караичева изготавливает вещи по старинным технологиям с помощью подлинного ткацкого станка.

Мария АНДРЕЕВА
Виталий ГРАСС (фото)

Мы встречаемся с Ириной в музее русского быта «Изба», что в Семилукском РДК. Сидим между печью, выставленным на обозрение оригинальным костюмом жительницы Воронежской губернии позапрошлого века и ткацким станком, которому несколько десятков лет. Самый подходящий для нашей беседы интерьер.

— Станок — из Брянской области. Он рабочий, но ему не хватает плеч — одной из деталей. Они вот тут должны быть. Из-за этого ткать на нем не слишком удобно, но вполне можно, — Ирина садится за станок, попутно объясняя: каждый ткацкий станок уникален. Его делали индивидуально для каждой хозяйки, под ее рост и длину рук. После создания он — наверное, наряду с печью — становился центром избы. Да и вся жизнь женщины вращалась вокруг ткачества.

Женское дело

В дореволюционные времена весь годичный женский труд был привязан к ткачеству. Сначала надо было вырастить коноплю, и тут были свои хитрости. Например, растения конопли вывоят женскими и мужскими — последние не использовались для женской одежды, из них делали только мужские порты. Когда конопля выростала, ее собирали и укладывали на землю, чтобы она немножко обмокла. Затем начинали мять специальными мялками, чтобы растение распушилось. С него сходила верхняя короста, и тогда коноплю начинали пушить и чесать. Получались расчесы трех видов — погуще, понежнее и совсем тоненький. Из каждого — соответствующий вид ткани.

Затем женщина начинала прясть и ниточку скатывать в клубочек — чаще всего соединяя две нити (чтобы крепче была). Затем приходила очередь снования: к стене дома прибивали гвозди на большом расстоянии друг от друга, брали две катушки с нитками. Цепляли нитку на первый гвоздик, вели ее ко второй и так бегали (то есть сновали), набирая до 100 м пряжи. Потом связывали ее в косу и заправляли в станок. Краешек привязывали к станку и начинали ткать.

Для этого к переднему валу станка прикрепляли основу, на челнок — пряжу. На вид все просто: между двумя долевыми нитями поперечно провести челнок — это будет уточная нить. Потом прибить

НИТОЧКА ЗА НИТОЧКОЙ

потуже ее бердом (специальной плоской пластиной) и педалями поменять положение долевых нитей — верхняя и нижняя сменяют друг друга. И опять протянуть между ними челнок. И так бесчисленное количество раз.

— Ткали про запас, на продажу и для себя, ведь всех надо было одеть. Если знали, что девушке скоро предстоит замужество, ткали особенно много, чтобы у невесты было приданое. Ткачество одевало, кормило, согревало и говорило о социальном статусе, — рассказывает Ирина Караичева.

От растения конопля до такой вот нитки — огромный труд женщины

И старинная панева, и современный шарф

Жизнь самой Ирины завертелась вокруг ткачества четыре года назад. Она прочла о нем в исторической статье и захотела найти станок и самой попробовать. — Это сейчас информация о ткачестве нарастает лавинообразно: интерес к нему большой. А четыре года назад всего этого не было. Поиск станка занял у меня примерно год, нашла скандинавский, выполненный по старинной технологии, — вспоминает Караичева. — Он стоит у меня в квартире. Вот уже три года я им пользуюсь и даже привожу его на выставки.

Домашняя Ирина делает сукно, ткани из хлопка, льна, смеси самых разных современных нитей. Из них она шьет вещи для исторической реконструкции: ее клеповская панева привлекла внимание специалистов не на одной выставке. Караичева изготавливает и современные вещи: сумки, шарфы, дорожки. Пережившая века технология и сегодня способна сотворить чудные вещицы. Даже на маленьком настольном станке можно ткать пояса, ленты и тонкие полоски ткани — выходит очень красиво!

Единственное, что немного расстраивает Ирину, так это состояние ткацкого ремесла в России: — Оно развито, пожалуй, только на севере — еще с советских времен. Там с детского возраста дети могут обучаться ремеслам, и несколько поколе-

ний на этом выращены. У нас в стране есть две фабрики ручного ткачества: в Череповце и Вологде. Им по 70 лет, но о них никто не знает. А в южных регионах ткачества почти нет. Хотя раньше ткали очень активно. По нашей области очень сильно прошла война, много всего стorerо. Потом после войны люди активно строились, старые избы сжигали, нередко вместе с содержимым. В те годы уже выпускалось много фабричной ткани, и насыщенной потребности в ткачестве не было. Последнее, что активно ткали в нашей области, — половики.

Однако сейчас интерес к домотканым вещам растет. На российский рынок приходят производители ткацкого и прядильного оборудования, в интернете множится число мастер-классов и профильных форумов. Свой — и очень большой — вклад вносят мастера вроде самой Ирины.

— За этот старый станок мы сажали ребят лет 12–14. Они делали несколько прокидок, им очень нравилось, — говорит Караичева. — Я уже третье лето работаю на Кудькиной Горе — в парке Липецкой области: даю мастер-классы, учу работать на настольном станке. Некоторых детей родители не могут оторвать от этого станка: очень нравится. Причем не только мальчишкам, но и девочкам. Ну затрагиваются при этом у детей какие-то корни, что-то глубинное!

Вот на таком простом устройстве плели шарфы и даже юбки

“**Ткали про запас, на продажу и для себя, ведь всех надо было одеть. Если знали, что девушке скоро предстоит замужество, ткали особенно много, чтобы у невесты было приданое**”

Ученик Вячеслава Зайцева, Яков Скрипник из Таловой придумывает свои виды вышивки, ходит в музеи с лупой и иглой и верит, что такое увлечение притягивает к нему интересных людей.

Мария ЛЕПИЛОВА
Михаил КИРЬЯНОВ (фото)

МАГИЯ ИГОЛКИ

За сестрами

Вышивать Яша начал лет с пяти. Сестры научили братика обращаться с нитками, чтобы мальчишка не мешался под ногами у старших. А когда сестра Вера решила поступать в Московский институт легкой и текстильной промышленности на конструктора швейных изделий, она попросила Яшу сдать за нее экзамены.

— Я сдал за нее, а заодно и за себя. Так мы и поступили вместе, — вспоминает теперь 71-летний Яков Герасимович. — Это был 1967 год. Вышивка входила в курс специальности дизайнера. У нас был предмет «Оформление одежды» — изучали все виды вышивки. На дипломной практике занимался у Вячеслава Зайцева. Одевал актрису Жанну Болотову, режиссера и актера Николая Губенко.

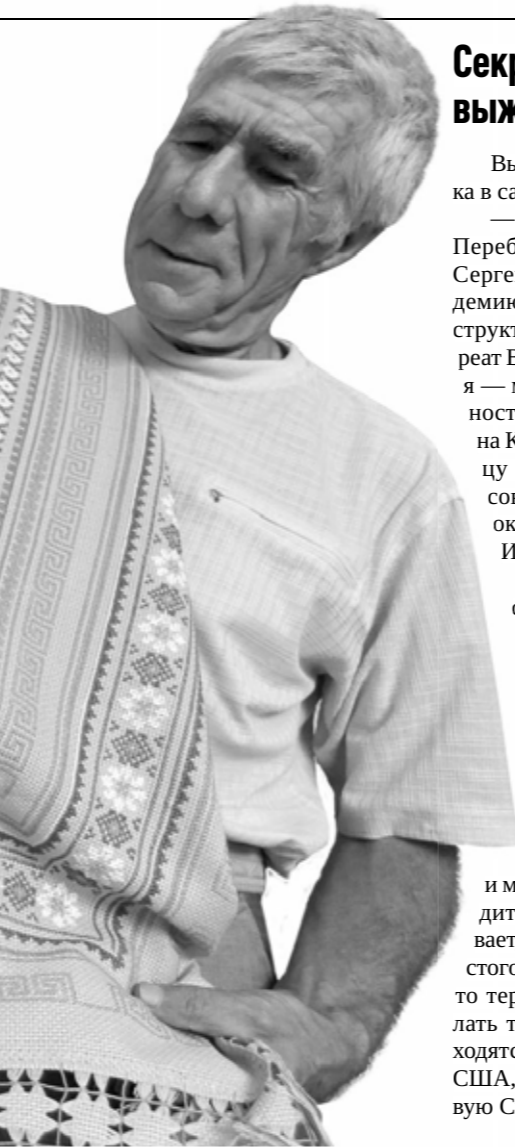
В 1983 году, когда власти приняли решение об увеличении производства товаров народного потребления, Скрипника отправили в Казахстан от-

крывать комбинат надомных форм производства.

— Ни денег, ни людей, только старые бараки от комсомольской стройки остались в городе Ермаке, — рассказывает Скрипник. — И все же там мы создали комбинат — шили ширпотреба. Машинами вывозили постельное белье на склад, а в магазинах нигде ничего не было — дефицит...

О вышивке он вспомнил случайно — захотелось супругу Веру Даниловну порадовать на 8 Марта. Она уехала на сессию, а когда вернулась домой, супруг вручил вышитую дорожку.

— Жена не поверила, пришлось доказывать, еще что-то вышивать, — смеется Яков Герасимович. — Потом и подружки ее стали просить им что-то вышить.

Секрет выживания

Вышивка выручила Якова Скрипника в самый трудный момент.

— Из Ермака нам пришлось уехать. Перебрались в Новосибирск, где сын Сергей поступил в медицинскую академию. Я устроился модельером-конструктором. Нам повезло: жена — лауреат Всесоюзного конкурса вокалистов, я — модельер, у нас редкие специальности. Но жить было негде. Я поехал на Красный проспект — главную улицу Новосибирска. Думал, буду рисовать и продавать картины. Но это оказалось неприбыльным занятием. И тогда вспомнил о вышивке...

Начал он с игольниц, с десятка сразу продал. Потом салфетки стал делать, рушники, скатерти, картины... Что-то покупали даже музеи.

С фольклорным ансамблем «Красота» Яков Герасимович объездил всю Сибирь. Выставлял свои работы в Новосибирске, Москве, Санкт-Петербурге. Теперь Яков Скрипник является лауреатом российских и международных конкурсов. Проводит семинары (например, рассказывает, какие скатерти были у Льва Толстого) и мастер-классы (по узору пинто терато давал урок в ВВЦ, учил делать тамбульный шов). Его работы находятся в частных коллекциях в Корее, США, Франции, Финляндии. А в Таловую Скрипник перебрался в 2011 году.

Немужское дело

К скепсису по поводу своего увлечения («Что тут необычного, у нас через одного все вышивают» или «Не мужское это дело») Яков Герасимович привык и не обижается:

— У меня много мужчин-вышивальщиков училось. Мальчик, сын директора школы, просил меня не говорить отцу, что он ходит ко мне вышивать. А ведь мужчины испокон веку этим занимались. Когда убивали животных и одевались в меха, шили именно мужчины, потому что эта работа была не по силам женщинам. Мужчины же придумали, как украсить вещи вышивкой.

Вышивка, уверяет Скрипник, сродни живописи, но здесь нужно много вычислять в уме.

— Вышивали полководец Александр Суворов, кардинал Ришелье, кинорежиссер Лев Кулиджанов. Я знаком практически со всеми существующими техниками — их тысячи, только крестиком видов 40, знаю 400 видов мережки, хотя в любом учебнике вы найдете не больше 20, — улыбается Яков Герасимович. — Сам я редко использую схемы, все рисую сам. Придумал и несколько швов.

Яков Скрипник: «Целиком не фотографируйте, эта композиция — моя авторская разработка»

Познание мира

Вышивальщик показывает нам свои творения. Вот филиальная вышивка, выполненная на женской сетчатой шали, которая занесена в каталог произведений декоративного искусства «Лен-Экспо».

— Смотрите, тут лужок, речка, березок, девочки, петушки пасутся — вышивка, как песня, — поясняет Скрипник. — Целиком не фотографируйте, эта композиция — моя авторская разработка.

Привлекает внимание композиция «Чистый четверг» — люди идут на субботник с граблями и лопатами, или вот вышитая картина «Фронтные письма». Гражданская тематика в этом ремесле редкость. А эксперты смотрят изнанку: насколько аккуратно все выполнено.

— Где бываю, стараюсь попасть в музеи, зайти к пожилым людям, у которых могли сохраниться традиции ремесла или работы их предков. Хожу с иглолкой и лупой, чтобы легче было рассмотреть, как сделано, — делится секретами Скрипник и показывает вышитые шедевры. — В Старом Осколе женщина принесла обгоревшее в войну полотенце — все, что осталось в память об ее матери. Я его восстановил, выслал ей, она была очень благодарна. А это воронежский озер, он пришел к нам из Лебедяни, раньше Лебедянь и Липецкая область были частью Воронежской губернии. А вот такие букетики вышивали на кисетах, которые отправляли солдатам на фронт. Вышивка помогает мне узнавать новое, знакомит с интересными людьми и судьбами. И, как ребенок, я все еще ощущаю магию иглолки и нитки.

